

Чем похожи: болгары и русские в современной Европе (по стопам Фрэнсиса Тэпона).¹

На мысль сравнить болгар и русских в современной Европе меня натолкнула замечательная (не только объемом – 736 страниц) книга американского журналиста Фрэнсиса Тэпона «Скрытая Европа. Чему восточные европейцы могут научить нас», которая готовится к выходу весной 2012 г. Автор объясняет выбор названия своей книги «двумя факторами: первый, то, что не только американцы, но и многие европейцы не так уж много знают о странах, соотносимых с Восточной Европой (или, по крайней мере, не являющихся Европой Западной); второй, то, что их жители категорически отказываются считать себя восточными европейцами. Они предпочитают называться жителями Северной Европы, Центральной или Южной, но никак не Восточной. С понятием Восточной Европы оказывается связано слишком много негативных коннотаций. И уж, конечно, крайне дискуссионным выглядит вопрос о том, является ли Россия Европой.

Логика Тэпона внешне проста: все, что восточнее Западной Европы, можно назвать Европой восточной. Он напоминает, что 40% территории европейского континента приходится на Россию. Но есть и внутренняя логика: при всем разнообразии стран, лежащих восточнее Западной Европы, у них есть немало того, что делает их схожими и что отличает их от Запада. Тэпон проводит многомерный и тщательный кросс-национальный и кросс-культурный анализ, характеризуя отношение людей к себе и к своим соседям, их оценки прошлого и настоящего, достоинств и заслуг своего народа и его слабостей и недостатков. Когда я читала главу о Болгарии, у меня было впечатление, что я читаю о России; не в плане географии, а в плане психологии, традиций, политической культуры, политического сознания.

По данным исследовательского центра Пью (США), 76% болгар недовольны имеющейся демократической системой, 63% не верят в волшебную силу рынка сделать жизнь людей лучше, и только 11% считает, что простые люди в их стране выиграли от посткоммунистических реформ. И это при том, что коммунистический режим в Болгарии был одним из самых стабильных в Восточной Европе, а переход от этой системы к демократии произошел без особых потрясений.² В современном мире Болгария занимает 52 место по

¹ Tapon Francis. The Hidden Europe. What Eastern Europeans Can Teach Us. First printing 2012. Library of Congress Cataloging-in-Publications Data. 736 p.

² Dimitrov Vasselin. Bulgaria. The Uneven Transition. Routledge, London, 2001

индексу демократии в годовом рейтинге авторитетного института The Economist Intelligence Unit. С этим показателем Болгария входит в категорию с проблемной демократией. Исследование оценивает состояние демократии в 167 странах мира согласно таким критериям, как честное и свободное проведение выборов, безопасность граждан, свобода слова, политическая культура и др.³

Павлина Николова ставит вопрос об упадке новой эры инклюзивной субнациональной демократии.⁴ Пламен Георгиев отмечает неудовлетворенность жителей страны национальной демократией и надежды на европейскую демократию. На его взгляд, состояние общественных настроений в Болгарии колеблется между пессимизмом и оптимизмом.⁵ Проведенное недавно социологическое исследование показало, что почти 14% болгар готовы прогнать политиков из страны, а 11% ненавидят богатых.⁶ Это связано с общей оценкой того, что от перемен выиграл политический и бизнес-класс, а не простые люди.⁷ Граждане недоверчиво относятся к политическим партиям и вообще мало доверяют кому-то, кроме близких друзей и родственников.

Серьезной проблемой является коррупция. Мониторинг Европейской комиссии в 2008 г. показал недостатки административной системы Болгарии и неспособность справиться с коррупцией.⁸ Люди предпочитают неформальные отношения. Согласно опросу Института Гэллапа, проведенному в 150 странах мира в 2010 г., нет такой другой страны, как Болгария, граждане которой так мало бы доверяли своей судебной системе. (Вот удивительно для русского читателя!).

Многие в Болгарии ностальгируют по стабильности и безопасности социалистического общества. Исследователи отмечают, что реформы пост-социалистического правительства первой половины 1990-х привели к коллапсу экономики страны в 1996-1997.⁹ По данным Пью центра, в 2010 г. две трети болгарских граждан моложе 40 лет и 76% старше 40 предпочитали

³ <http://www.blackseanews.net/read/30185>

⁴ The Oxford Handbook of Local and Regional Democracy in Europe/ Ed. by John Lowghlin, Frank Hendriks, Anders Lindstrom. Oxford University Press, 2011

⁵ Plamen K. Georgiev. The Bulgarian Political Culture. V&R unipress in Gottingham. 2007. P.133-134

⁶ <http://www.blackseanews.net/read/30187>

⁷ Pew Global Attitudes Project. End of Communism Cheered But Now With More Reservations. Two Decades After the Wall's Fall. November 2, 2009. <http://pewresearch.org/pubs/1396/european-opinion-two-decades-after-berlin-wall-fall-communism>

⁸ The Oxford Handbook of Local and Regional Democracy in Europe/ Ed. by John Lowghlin, Frank Hendriks, Anders Lindstrom. Oxford University Press, 2011

⁹ Bulgaria. The Dual Challenge of Transition and Succession. World Bank, Washington, 2001.

патерналистское государство. В немалой степени это связано с убеждением большинства жителей Болгарии, что успех в жизни зависит в большей степени от происхождения, образования и связей, нежели от способностей и достижений.¹⁰

Применительно к Болгарии проблему составляет трудовая этика, поскольку люди не убеждены, что интенсивный труд будет вознагражден повышением статуса и возможностей. Так, например, в Болгарии насчитывается 55 праздничных дней в году. Тэпон приводит распространенную в стране шутку: «Они делают вид, что платят. Мы делаем вид, что работаем». Это выражение широко распространено и в России. Из-за низкой оплаты труда, 50% работающего населения Болгарии готовы эмигрировать, показывают исследования КТ «Подкрепа».¹¹

По данным Пью центра, Болгария и Россия вместе с Чешской республикой и Словакией обладают наименьшим энтузиазмом по отношению к свободному рынку. Существует тесная связь между адаптированностью людей к новым условиям и отношением к рынку как механизму: особенно четко это видно на примере Болгарии: среди тех, кто считает свою жизнь улучшившейся, 60% поддерживают рынок, 35 - нет. Среди тех, чья жизнь ухудшилась, только 32% поддерживают, в то время, как 55% - нет.¹² Связь между адаптированностью и одобрением реформ в России показал еще Г.Г.Дилигенский.¹³

Общее в восточных европейцах, что находит Тэпон, все они жаждут идентичности.¹⁴ О кризисе российской идентичности написаны тома.¹⁵ Пламен Георгиев говорит о драматическом кризисе идентичности болгар.¹⁶ Другие авторы считают вступление в ЕС и европеизацию ключевым фактором формирования идентичности в современной Болгарии.¹⁷ Большую роль в конструировании идентичности играет интерпретация истории, апелляция к великому прошлому. Школы и школьные учителя претендуют на авторитет и обладание истиной. Это общее для Болгарии и России.

Любопытно, но Болгария представляет собой исключение из посткоммунистических стран в том, что касается оценки роли России.

---

¹⁰ Tapon Francis. The Hidden Europe. What Eastern Europeans Can Teach Us. First printing 2012. Library of Congress Cataloging-in-Publications Data. P.556

¹¹ <http://www.blackseanews.net/read/30489>

¹² Pew Global Attitudes Project. Eastern Europe: A Crisis of Confidence in Capitalism? <http://pewresearch.org/pubs/1142/eastern-europe-crisis-capitalism-poll>

¹³ Дилигенский Г.Г. Российский горожанин переходного периода. М., ИМЭМО РАН. 1991

¹⁴ Tapon F. Op.cit. P.711

¹⁵ См.: Семиененко И.С., Холодковский К.Г., Пантин В.И. и др.

¹⁶ Plamen K. Georgiev. The Bulgarian Political Culture. V&R unipress in Gottingham. 2007

¹⁷ Bulgaria and Europe. Shifting Identities. Ed. By Stefanos Katsikas. Anthem Press, 2011

Болгары склонны оценивать влияние России скорее положительно, нежели отрицательно.¹⁸

Сам Тэпон сравнивает в книге русских с американцами, находя у них целый ряд общих черт, неприятных для других народов – нахальные манеры, эгоистичные привычки, включая языковые монолингвистические (известная в России шутка по поводу тети Сони, приехавшей в Нью-Йорк: я уже год здесь живу, а они до сих пор не выучили русский!), склонность к экспансионизму, чрезмерный и навязчивый патриотизм.

У России, разумеется, есть своя специфика, связанная с ее историей. Так, в 2009 г. Пью Центр выявил, что 58% русских сожалеют о распаде СССР, 47% считают естественным для России иметь империю.

Тэпон вполне сочувственно пишет, что русские винят Ельцина и его американских советников за «кошмар 1990-х». Беды страны – коррупция и крайнее социальное неравенство. Вследствие этого, только 50% русских думали в 2009 г., что людям лучше жить в условиях свободного рынка, только 29% предпочли демократию лидеру с сильным правлением.

Тэпон решается на весьма смелые суждения, не боится быть обвиненным в нарушении политической корректности, остро и умно шутит. Он даже берется найти общее негативное в восточных европейцах (включая русских) по сравнению с Западом, и находит. Это неверие людей, что они могут быть оценены по заслугам. Коррупция. Восточные европейцы меньше склонны доверять чужакам, тратить время и деньги на волонтерство, быть терпимыми к меньшинствам и к мигрантам, менее оптимистичны, счастливы и мотивированы на успех, больше склонны верить в теории заговора. Большинство опрошенных не исключают вероятности все более часто вспыхивающих конфликтов между представителями разных социальных и этнических групп.¹⁹ В Заключении Тэпон пишет, что слышит отзывы, как его упрекают «кошмарный янки. Гоу хоум!». На самом деле, когда я читала книгу, временами завидовала автору в его бесстрашии и независимости от опасения упреков в имперском чванстве и великодержавном шовинизме. Как показало заключение, он не столь бесстрашен. Он прекрасно понимает, что уязвим для упреков с разных сторон.

Мне представляется, что такая трезвая оценка своих исследовательских возможностей и критических перспектив без ложного страха придерживаться фальшивой политкорректности и есть хорошая перспектива. Сравнить, оценивать, судить без осуждения, узнавать, находить общее и особенное. Не бояться показаться не академичным!

Опросы и исследования, как правило, не могут передать атмосферы добрых человеческих отношений, тонкого и острого, как болгарские специи,

---

¹⁸ Pew Global Attitudes Project. End of Communism Cheered But Now With More Reservations. Two Decades After the Wall's Fall. November 2, 2009. <http://pewresearch.org/pubs/1396/european-opinion-two-decades-after-berlin-wall-fall-communism>

¹⁹ <http://www.blackseanews.net/read/30187>

юмора, умения людей приспосабливаться к холодной реальности, сохраняя теплоту чувств. И это не есть сентиментальный роман. Это добротное кросс-национальное и кросс-культурное исследование.

Тэпон находит и общее позитивное, отличающее восточных европейцев от западных людей в лучшую сторону – устойчивость к стрессу, сбалансированное отношение к работе (мало трудоголиков), умение ценить традиции, фокусироваться на семье, быть гостеприимными. Мне представляется, что такой подход более продуктивен не только в плане описания путешествия, побуждения к нему (хотя мне очень захотелось поехать в Болгарию, где я никогда не была, после чтения этой книги), но и к серьезному (не исключая юмор и другие человеческие чувства) социокультурному исследованию, в данном случае, российского и болгарского обществ в контексте современной Европы.